

Глава первая

— Но о чём они разговаривают? — спросил мистер Зловрединг, поверенный в делах, и в его голосе звучало раздражение, словно он наперёд знал, что речь у них идёт о пустяках.

— О добывайках, — сказала миссис Мей.

Они стояли под живой изгородью, среди мокрых кочанов древовидной капусты, качавшейся на ветру. День был промозглый, начинало темнеть, и лампа в окне домика у подножия холма светила особенно приветливо.

— Здесь можно разбить фруктовый сад, — добавила небрежно миссис Мей, словно желая переменить тему.

— В нашем с вами возрасте, — заметил мистер Зловрединг, всё ещё не отрывая глаз от освещённого

окна внизу, — разумнее сажать цветы, чем плодовые деревья.

— Вы так думаете? — сказала миссис Мей и пониже опустила капюшон длинного широкого пальто, спасаясь от порывов ветра. — Но, видите ли, я завещаю этот дом ей.

— Кому — ей?

— Кейт, моей племяннице.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг и снова бросил взгляд на освещённое окно, возле которого, как он знал, сидела Кейт.

Странный ребёнок: смотрит сквозь тебя широко раскрытыми глазами, будто не видит, и часами разговаривает со старым мошенником Томом Доброу, который некогда служил здесь лесником. Поневоле придёшь в смущение. Что может быть общего, спросил он себя, между туповатым стариком и этой жадно слушающей его девочкой? Вот уже (он взглянул на часы) час с четвертью, как они сидят, пригнувшись друг к другу, у окна и говорят, говорят...

— О добывайках?.. — повторил мистер Зловрединг, точно это слово встревожило его. — Каких добывайках?

— Ну, это такая история, — небрежно сказала миссис Мей, осторожно пробираясь между набухшими от дождя кочанами к вымощенной кирпичом дорожке, — которую мы с братом рассказывали друг другу, когда жили здесь в детстве.

— В Фэрбанкс-Холле?

— Да, у двоюродной тёти Софи. Кейт очень нравится эта история.

— Но почему ей вздумалось рассказывать её Тому Доброу? — спросил мистер Зловрединг.

— Тому? Почему бы и нет? Хотя, по правде говоря, я думаю, дело обстоит как раз наоборот — это Том рассказывает её Кейт.

Следуя за миссис Мей по выщербленным кирпичам дорожки, мистер Зловрединг погрузился в молчание. Он знал эту семью почти всю свою жизнь, и чем дальше, тем чудаковатее все они ему казались.

— Но кто её выдумал? Вы?

— Куда мне! — Миссис Мей смущённо рассмехалась. — Скорее всего, её придумал мой брат. Если это вообще выдумка...

Последние слова женщина произнесла еле слышно, и мистер Зловрединг за них схватился.

— Я не вполне вас понимаю. Эта история, о которой вы говорите, она что — основана на реальных фактах?

Миссис Мей рассмеялась.

— О нет, факты эти никак не могут быть реальными. Никоим образом. — Она снова пустилась в путь, добавив через плечо: — Просто этот старик, Том Доброу, по-видимому, знал наших человечков.

— Каких человечков? Попрошаек?

— Не попрошаек — добываек.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг, хотя ничего ему понятно не было.

— Мы назвали их так. — Обернувшись, миссис Мей подождала, пока он с ней поравняется. — Вернее, они сами так себя называли, потому что у них не было ничего своего. Ничего. Даже имена они брали у людей: в семействе Курантов, например, были отец, мать и дочка, и звали их Под, Хомили и Арриэтта. По-моему, прелестные имена.

— О да, — довольно сухо отозвался мистер Зловрединг, а затем, вопреки своей воле, улыбнулся.

Ему вспомнилось, что она всегда любила, пусть и мягко, подтрунивать над людьми. Даже в юности,

когда он находил её весьма привлекательной, это приводило его в замешательство.

— Вы совсем не изменились, — заметил мистер Зловрединг.

Миссис Мей сразу посерьёзна.

— Но не станете же вы отрицать, что Фэрбанкс-Холл был не только старый, но и странный.

— Старый — да, но не более странный, чем... — Он взглянул вниз. — ...Чем, скажем, этот домик.

Миссис Мей рассмеялась.

— Тут Кейт согласилась бы с вами. Она считает этот домик таким же странным, каким мы считали Фэрбанкс-Холл, в точности таким же. Знаете, в Фэрбанксе у нас с братом с самого начала было чувство, будто в доме, помимо людей, живут ещё какие-то человеческие существа.

— Но, — раздражённо воскликнул мистер Зловрединг, — какая разница между человеческими существами и людьми? Это одно и то же.

— Ладно, просто другие существа. Пусть гораздо меньше людей, но внешне похожие на них, разве что головы побольше да кисти рук и ступни подлиннее. Очень маленькие и незаметные. Мы воображали, что живут они, как мыши, за стенными

панелями, или за плинтусом, или под половицами... и полностью зависят от того, что им удаётся стащить в доме. Хотя воровством это тоже не назовёшь — они брали только то, без чего люди вполне могли обойтись.

— Что именно? — спросил мистер Зловрединг и, внезапно почувствовав себя неловко, обогнал миссис Мей, чтобы убрать с её пути побег куманьки.

— О, самые разные вещи. Любые продукты, естественно, и разные другие мелкие предметы, которые можно было сдвинуть с места и которые могли им пригодиться, — спичечные коробки, огрызки карандашей, иголки, лоскутки... всё, из чего можно смастерить одежду, орудие труда или мебель. Нам было их жалко, потому что они ценили красоту и стремились сделать свои тёмные норки такими же уютными и удобными, как жилища людей. Брат старался помочь им. — Миссис Мей внезапно смутилась, тихонько рассмеялась и, запинаясь, точно сама не принимала всего этого всерьёз, закончила: — Во всяком случае, так он мне говорил.

— Понятно, — снова сказал мистер Зловрединг.

Они принялись обходить дом, стараясь не попасть под капли, падающие с крыши.

— А при чём тут Том Доброу? — заговорил он снова, когда миссис Мей задержалась у бочки для дождевой воды.

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну не удивительно ли это? В моём возрасте — чуть не в семьдесят лет — получить в наследство этот домик и застать здесь хозяином Тома.

— Он тут вовсе не хозяин... всего лишь временный жилец.

— Я хочу сказать, — пояснила миссис Мей, — вообще застать его здесь. В старые времена, когда они были мальчиками, Том и брат часто вместе ставили капканы на кроликов... Они много чего придумывали вместе, но всему этому пришёл конец... после скандала.

— О, — воскликнул мистер Зловрединг, — значит, был скандал?

Они стояли перед изъеденной непогодой входной дверью, и, заинтересовавшись, помимо своего желания поверенный снял руку со щеколды.

— Ещё какой! — воскликнула миссис Мей. — Я думала, вы слышали об этом. Даже полисмен

был в него втянут... вы помните Эрни Ранэйкра? Вся деревня только об этом и говорила. Кухарка и садовник каким-то образом пронюхали о добывайках и решили выкурить их из дома, для чего пригласили местного крысолова и послали сюда за Томом и его хорьком. Он был тогда ещё мальчик, внук лесника, лишь ненамного старше нас с братом.

Миссис Мей внезапно повернулась к поверенному:

— Да не могли вы не слышать обо всём этом!

Мистер Зловрединг нахмурился. В памяти стали всплывать какие-то смутные слухи... какая-то глупая история, приключившаяся в Фэрбанксе: кухарка по имени Дайвер или Драйвер, пропажа каких-то вещей из горки в гостиной...

— Что-то связанное с золотыми часами с изумрудами, да?

— Да, потому-то они и послали за полисменом.

— Но, — мистер Зловрединг ещё сильнее нахмурился, — эта женщина, Дайвер или...

— Драйвер. Именно так её звали.

— И этот садовник... Вы хотите сказать, что они верили, будто эти человечки существуют на самом деле?

— По-видимому, так, — ответила миссис Мей, — иначе они не стали бы заваривать всю эту кашу.

— И что же произошло? Их поймали? Нет-нет, я не это имел в виду! Я имел в виду — чем они оказались? Верно, мышами?

— Меня в то время не было в Фэрбанксе, но, по словам брата, добывайки выбрались из дома в самый последний момент через решётку в подвальном окошечке... знаете, такие отверстия в кирпичной кладке, которые делают для вентиляции. Они пробежали через фруктовый сад, поднялись по склону холма и ушли в поля.

Миссис Мей оглянулась по сторонам: сумерки сгущались всё больше.

— Кто-нибудь их видел? — спросил мистер Зловрединг.

— Нет.

Поверенный кинул быстрый взгляд на окутанные туманом склоны: тонувшие в полумраке леса позади бледных полей казались совсем чёрными, — и заключил:

— Белки, вот что это было, скорее всего.

— Возможно, — не стала спорить миссис Мей и отошла от него к пристроенной к дому прачечной,

туда, где утром рабочие отрыли водосточную трубу. — По-моему, эта труба достаточно широкая, чтобы использовать её в качестве канализационной.

— Широкая — да, — согласился мистер Зловрединг, глядя на глиняные секции трубы, — но санитарный инспектор ни за что этого не допустит: все сточные трубы в этих краях идут напрямик в реку. Нет, боюсь, вам придётся поставить очистной бак.

— Так для чего тогда была эта труба?

Мистер Зловрединг кивнул на прачечную.

— Для воды от стирки и, возможно, из судомойни. — И, взглянув на часы, предложил: — Подвезти вас? Уже довольно поздно.

— Вы очень любезны, — поблагодарила миссис Мей, в то время как они шли обратно к двери.

— Это просто неслыханно, — возвращаясь к их разговору, сказал мистер Зловрединг, опуская руку на щеколду.

— Согласна с вами.

— Я имею в виду — дойти до того, чтобы вызывать полисмена. Невероятно.

— Вы совершенно правы, — сказала миссис Мей и принялась вытирать обувь о кусок мешковины, лежавший возле ступенек.

Мистер Зловрединг взглянул на свои ботинки и последовал её примеру.

— Ваш брат, должно быть, умел убеждать слушателей.

— О да.

— И был большой выдумщик.

— Ещё какой! По его словам, существовала целая колония этих человечков. Он рассказывал мне и о другой семье — родственниках тех, кто жил в Фэрбанксе, — которая, как думали, поселилась в барсучьей норе... здесь неподалёку, на опушке леса. Дядя Хендрири и тётя Люпи... — Она искоса взглянула на мистера Зловрединга. — У них было четверо детей...

— По словам вашего брата, — скептически заметил мистер Зловрединг и снова протянул руку к щеколде.

— И по словам старого Тома, — засмеялась миссис Мей и понизила голос. — Старый Том клянётся, что всё это — истинная правда, но утверждает, что жили они вовсе не в барсучьей норе — даже если и жили, то совсем недолго, — а за стенкой возле очага, между кладкой и штукатуркой.

— Какого очага? — тревожно спросил мистер Зловрединг.

— Этого, — ответила миссис Мей шёпотом, распахивая дверь. — Здесь, в этом самом доме.

— Здесь, в этом самом доме... — изумлённо повторил поверенный и отступил в сторону, чтобы пропустить миссис Мей, а сам вытянул вперёд шею и заглянул в комнату, не переступая порога.

Тихая комната казалась пустой: жёлтый свет лампы лился на каменный пол, в очаге тлели угли. У окна лежала груда ореховых прутьев, очищенных от коры и расщеплённых, — заготовки для крыш; возле них стояло деревянное кресло. Вот всё, что они заметили. Неожиданно из тёмного угла у очага возникла Кейт.

— А, это вы... — Похоже, она собиралась сказать что-то ещё, но тут её взгляд, скользнув мимо миссис Мей, упал на мистера Зловрединга, всё ещё топтавшегося у порога. — Я проверила дымоход.

— Это я вижу — у тебя на лице сажа.

— Да? — равнодушно отозвалась Кейт, хотя глаза её блестели от возбуждения и, судя по всему, она не могла дождаться, когда мистер Зловрединг закроет дверь и уйдёт совсем.